

Ткаченко Владимир Глебович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-105519

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ КАНЦЕЛЯРСКИХ И АРХИВНЫХ ЧИНОВНИКОВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В XVIII–XIX вв. (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ)*

***Аннотация:** статья является продолжением публикаций автора по проблемам социального статуса и профессиональной деятельности чиновников, занятых в делопроизводственной и архивной сфере местных органов государственного управления. В работе анализируются нормы законодательства, регламентировавшие требования к образовательному уровню служащих и их продвижение по службе, прослеживается изменение в подходах к правовому регулированию вопросов профессиональной компетентности чиновников. В публикации подняты вопросы образовательной подготовки, социального статуса лиц, занятых в делопроизводственной и архивной деятельности.*

***Ключевые слова:** архив, архивариус, делопроизводство, канцелярский служащий, образование, профессиональная подготовка, чиновник.*

* Условное обобщенное название территории, включавшей три уезда Казанской губернии: Цивильский, Чебоксарский и Ядринский, а также части территорий Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии, где согласно Всероссийской переписи 1897 г. компактно проживало более 478 тыс. чуваш.

Один из выдающихся российских управленцев рубежа XIX–XX вв. И.М. Страховский, в течение почти десятилетия последовательно занимавший должность губернатора Тургайской области, Вятской и Тифлисской губерний, подводя итог своего исследования «Губернское устройство» отмечал: «Как бы

ни было правильно распределены или «дифференцированы» обязанности местного управления, как бы ни было стройно и целесообразно задумано местное административное устройство, – его будущая судьба, его деятельность будут всегда зависеть от того, какие служилые люди наполняют местные учреждения. То или иное административное устройство является только более или менее удобной, вспомогательной формой для деятельности управления, а по существу управляют не учреждения, но люди» [1, с. 171] Именно по этой причине изучение деятельности чиновничества, как основы функционирования аппарата управления, – тема «вечная». Каждое новое поколение историков, государствоведов, правоведов, политологов будет находить для себя неисчерпаемый материал для своих научных поисков по данной проблематике.

Данная статья, не претендуя на всесторонний охват всего спектра проблем, связанных с особенностями несения государственной службы провинциальными чиновниками, представляет собой попытку анализа профессиональной подготовки местных канцелярских служащих (писцов, архивариусов), представлявших низшее звено в чиновничьей иерархии Российской империи. Данный выбор обусловлен, во-первых, тем, что они представляли основную массу местных служащих, и, во-вторых, их роль в делопроизводственной и архивной деятельности пока еще мало освещена в региональной научной литературе.

Являясь в XVIII–XIX вв. относительно небольшими по размеру населенными пунктами, уездные центры Алатырь, Цивильск, Чебоксары и Ядрин не отличались многочисленностью местного чиновничества. Возможность выбора кандидатур, в полной мере отвечавших требованиям государственной службы, была ограничена.

Имеющиеся документы XVIII века отчасти позволяют проследить динамику численности чиновников в местных органах власти. Так, в мае 1730 г. в Чебоксарах на верность императрице Анне Иоанновне присягнули воевода, один подьячий с приписью и двадцать четыре подьячих [2, Оп. 1. Д. 9. Л. 49]

В момент смены чебоксарского воеводы 24 декабря 1751 г. согласно составленному при передаче полномочий росписному списку при Чебоксарской воеводской канцелярии числились: при канцелярии – два канцеляриста, четыре подканцеляриста, три копииста, один из которых находился в бегах, тридцать рассыльщиков, один сторож, один толмач и один «заплечный мастер» (палач – *В.Т.*); при архиве – канцелярист Федор Иванович Кокшайский [3, с. 376–377]. Это одно из первых упоминаний имени архивиста в Чувашском крае. На тот момент ему исполнился 71 год. Что было причиной его назначения на архивную должность – преклонные лета или большой опыт работы – ответить однозначно невозможно. А начинал он свою службу 12–13-летним подростком, после того как в 1692/1693 году был определен чебоксарским воеводой И.В. Рожновым молодым подьячим в «Чебоксарской канцелярии у дел» [2, Оп. 1. Д. 8. Л. 155]

Его сын Афанасий Федорович Кокшайский числился при канцелярии канцеляристом. В 1729 г. его же тринадцатилетний сын Василий был принят в Чебоксарскую воеводскую канцелярию копиистом [2, Оп. 1. Д. 8. Л. 155 об.] Как видим, семейная преемственность на канцелярской службе, столь характерная для предшествующей эпохи, продолжала сохраняться и в XVIII веке.

Согласно ведомости Чебоксарской воеводской канцелярии о численности ее служителей, жителей города и уезда, денежных суммах и нерешенных делах, составленной в начале 1776 г., кроме воеводы и секретаря в ней несли службу один регистратор, два канцеляриста, шесть подканцеляристов, четыре копииста и один сторож [2, Оп. 2. Д. 12. Л. 8].

На момент вступления в должность чебоксарского воеводы Т.И. Суровцева в феврале 1780 г. личный состав воеводской канцелярии был представлен секретарем, пятью канцеляристами, четырьмя подканцеляристами, тремя копиистами и сторожем [2, Оп. 2. Д. 142. Л. 102].

На рубеже XVIII–XIX веков по подсчетам В.Д. Димитриева, произведенным на основе данных генерального межевания, в городах Чувашии на 100 горожан приходилось по 1 чиновнику [4, с. 402].

В 1795 г. канцелярские служащие составляли всего 0,75% от общего числа жителей Чебоксар. К 1842 г. этот процент увеличился до 2,5 [5, с. 7.] Заметный рост числа чиновников наблюдался и в пореформенный период. Так, например, если в 1862 г. в Чебоксарах значилось 58 человек, то в 1897 г. их количество достигло 209. При этом в Чувашском крае преобладали представители нижних чинов – XIV-IX классов согласно Табели о рангах, и лишь в начале XX века доля чиновников среднего класса незначительно увеличилась [6, с. 6].

Проблема образовательной подготовки канцелярских служащих и особенно архивариусов – одна из самых болезненных в истории государственного управления России. На отсутствие каких-либо специальных профессиональных требований к таким лицам уже обращалось внимание в научной литературе. Для XVIII века эта ситуация в определенной мере может быть объяснена тем, что тогда еще только создавались предпосылки государственной системы образования, и знания основ грамматики и арифметического счета считалось достаточным для канцелярского служащего независимо от того, где и каким образом они были получены. В этот период «ценность образования и науки как таковых для развития общества и государства еще не была вполне осознана» [7, с. 39]

Исследовавший уровень образования местного чиновничества в XVIII – первой половине XIX века Ю.В. Гусаров выделил три основных способа получения начального образования, позволявшего рассчитывать на канцелярскую должность: 1) через начавшую создаваться в XVIII веке сеть школ; 2) непосредственно в канцеляриях государственных учреждений; 3) путем домашнего (несистематического) обучения, считающегося основным видом образования в XVIII веке [8, с. 50–51] В ряде случаев будущие канцелярские служители проходили все три стадии обучения.

Инициатором создания общеобразовательных школ, известных как «цифирные» или арифметические, выступил царь-реформатор Петр I. Своим именным указом от 28 февраля 1714 г. он обязал «во всех губерниях дворянских и приказного чина, дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет опричь однодворцов, учить цифири и некоторую часть геометрии». С этой целью предписывалось в

качестве учителей послать в каждую губернию к местным архиереям и «в знатные монастыри» по несколько учеников математических школ. Соответственно сами школы должны были организовываться при архиерейских домах и в монастырях [9, с. 78].

Судя по сохранившимся архивным документам, в подобном учебном заведении обучались и дети местных чиновников. Так, 29 июля 1729 г. чебоксарскому воеводе А.Е. Заборовскому поступил из Свияжской провинциальной канцелярии указ, которым он информировался о присланном Академической канцелярией (Речь идет об одном из главных органов управления Академии наук рассматриваемого периода, фактически осуществлявшим административное руководство всеми академическими учреждениями, в том числе учеными, учебными и техническими. (Подробнее см.: Тункина И.В. Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 21.) учителе А. Пахиреве «обучать Свияжской провинции подьячевских детей наукам арифметики и некоторой части геометрии». В поданном в провинциальную канцелярию «оного учителя Пахирева» доношении сообщалось, что «имеетца де в Чебоксарех у подьячева Кокшаского сын Василей которой школьному учению годен». В связи с этим по определению воеводы Свияжской провинции Ф. Козлова было велено «показанного подьячевского сына» немедленно выслать в Свияжск в сопровождении специально посланного из Свияжска солдата [2, Оп 1.Д. 8. Л. 275] Дальнейшую судьбу подростка проследить не удалось.

Известно, что выпускник этой школы Петр Трушеников (вероятно, сын подьячего Чебоксарской воеводской канцелярии Н.М. Трушеникова) был принят на службу писцом в Чебоксарскую воеводскую канцелярию в 1729 году [8, с. 51].

Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что свои первые познания в области делопроизводства и тот, и другой получили в домашних условиях.

Очевидно, аналогичным образом обучался и выходец из потомственных нижегородских подьячих М.М. Ключарев, возглавлявший в 1740-е годы архивное

повытье в алатырской провинциальной канцелярии. Это еще одно имя в ряду первых известных нам архивистов в Чувашском крае. Его предки значились в документах нижегородской приказной избы еще в 1630-е – 1640-е гг., а сам он в 1713–1714 гг. также числился среди нижегородских подьячих [10, с. 19].

По утверждению Ю.В. Гусарова в Чувашии обучением на дому «занимались мещане, диаконы, церковнослужители или их вдовы; некоторые из них содержали частные школы». Например, камерир Алатырской провинции И.Ф. Сухов в 1722 году указывал, что его пятилетний сын Иван «учится грамоте словесно». Выходец из чувашских крестьян С.М. Михайлов, служивший в 1842–1861 гг. переводчиком козьмодемьянского земского суда, свои первые навыки чтения получил в восьмилетнем возрасте в приемной семье местного купца Т.Ф. Михеева, а писать научился здесь же в Козмодемьянске у писца городского магистрата [8, с. 50]

Также Ю.В. Гусаровым приводятся интересные данные о подготовке кадров, в том числе из чуваш, непосредственно в канцеляриях государственных учреждений, где учеников в рабочем порядке обучали письмоводству и арифметике, а хорошо зарекомендовавших себя – определяли на свободные вакансии: «В 1720-е гг. сирота, подьяческий сын И.И. Турченинов был взят в Московскую полицмейстерскую контору «для обучения приказного дела» и по окончании учебы оставлен в ней копиистом. В 1731 г. он поступил канцеляристом в Чебоксарскую воеводскую канцелярию. В 1766–1767 гг. сын чувашского крестьянина с. Атиково Свияжского уезда, выпускник новокрещенской школы М.Я. Ишутов стажировался в Свияжской провинциальной канцелярии писцом вне штата, а в 1767 г. поступил копиистом в канцелярию Синода» [8, с. 51].

В конце XVIII века с появлением всесословных малых народных училищ ситуация стала меняться. Так, в год открытия такого училища в Алатыре (1787) в него поступило двое детей канцелярских служителей и пяти офицеров (в том числе чиновников в офицерских чинах). По неполным данным в 1789–1799 гг. из 975 обучавшихся здесь человек 54 были сыновьями табельных чиновников, а 41 – детьми канцелярских служащих [8, с. 52].

С начала XIX века необходимость получения систематического образования для продвижения по службе была обусловлена правительственными мерами, направленными на обеспечение «преимущества способностей, приобретенных науками», в соответствии с целью и действительными потребностями службы. Чинопроизводство было поставлено в зависимость от его уровня.

Так, согласно «правилам народного просвещения», утвержденным именным указом Сенату от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ», ни в одной губернии никто не мог быть определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив общественного или частного училища [11, с. 440]

Именной указ Сенату от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» пошел еще дальше, ужесточив требования в части обязательного наличия университетского образования для получения чина коллежского асессора (VIII класс согласно Табели о рангах). Необходимость данной меры объяснялась тем, что «все части Государственного служения требуют сведущих исполнителей» [12, с. 1054].

Согласно высочайше утвержденному 25 июня 1834 г. «Положению о порядке производства в чины по гражданской службе», претенденты на классные должности были поделены на три разряда: «1) Лица, совершившие курс наук в высших в Государстве учебных заведениях и получившие от оных установленные аттестаты. 2) Лица, совершившие курс наук и получившие аттестаты средних учебных заведений. 3) Лица, не имеющие аттестатов ни тех, ни других из означенных учебных заведений» [13, с. 657].

Приоритет отдавался первой группе лиц, в то время как представители третьей обязаны были на предварительном испытании доказать, что они умеют правильно читать и писать («притом хорошим почерком»), знают основы грамматики и арифметики, «без чего никто в службу принят быть не может». Прошед-

ший испытание принимался канцелярским служителем, «сообразно его происхождению» [13, с. 661]. Как видим, уровень требований практически никак не изменился по сравнению с XVIII веком.

Тем не менее, получение начального образования детьми чиновников недворянского происхождения открывало возможность для несения гражданской службы: «В 1824 г. сын канцеляриста П. Троицкий выбыл из Цивильского уездного училища «для определения в должности», в 1818 г. сын обер-офицера, «с похвалой» окончивший Ядринское уездное училище, поступил на службу с приказным чином губернского регистратора» [8, с. 53]

«Если в XVIII в., – отмечает Ю.В. Гусаров, – чиновники и канцелярские служащие Чувашии в большинстве имели домашнее образование, то к середине XIX в. среди них выросла доля лиц с систематическим образованием, в том числе полученным в учебных заведениях Казани и уездных городов Казанской губернии. Как правило, чиновники из дворян имели среднее и высшее (в том числе военное) образование, выходцы из непривилегированных сословий – начальное светское или духовное» [8, с. 55].

Вместе с тем, нельзя утверждать, что наличие у чиновника образования гарантировало исполнительскую дисциплину или добросовестное исполнение своих обязанностей, а главное – качество работы. Некий собирательный образ дореволюционного служащего архива отражен в многочисленных свидетельствах, содержащихся в мемуарных, эпистолярных и других источниках, а также произведениях художественной литературы. Особенно ценны наблюдения людей, тесно соприкасавшихся с этой категорией лиц. Так, известный русский библиограф и библиофил В.М. Ундольский в 1855 г. писал академику П.С. Билярскому: «Жизнь обыкновенного архивного чина бесцветна и, если угодно бесцельна, но зато тихо и спокойно. Меньше известности, меньше столкновений, а ему меньше горя» [14, с. 25]. Столь же критичен был и Н.В. Калачов, отмечавший, что в местные архивы назначались люди «нарочно самые старые, едва не выжившие из ума и потому неспособные быть в чем-либо полезными в самом учреждении, где они служат» [15, с. 4].

Этому отчасти способствовало законодательство. Особым Положением Комитета министров от 1 февраля 1849 г. «О порядке увольнения гражданских чиновников за неспособность» с резолюцией Николая I «распространить силу онаго на все ведомства без изъятия» разрешалось увольнять чиновников «не за проступки, или предосудительное поведение, а единственно по неспособности к занимаемому ими месту; но в выдаваемых таким чиновникам аттестатах не включать причин увольнения их, а помещать только, что уволены для определения к другим делам, каковую аттестацию не считать препятствием к определению сих чиновников к другим должностям, к коим они будут признаны способными» [16, с. 69].

Весьма нелюбимая характеристика местным чиновничьим нравам дана уроженцем Цивильского уезда Казанской губернии, историком Н.С. Арцыбышевым: «На́больший от утра до вечера играет в карты, блюстителъ правды по три раза в день пьян и пропускает все не читавши, прочие сидят для симметрии, а душевредник-письмоводитель держит руку на поясице и пачкает, что в голову пришло, зная безответственность пустозвонов» [17, с. 141].

Даже если заподозрить автора в личной неприязни или обиде на перечисленных лиц, то оценка деятельности своих подчиненных начальником губернии в комментариях не нуждается. Так, казанский губернатор Н.Я. Скарятин летом 1878 г. во время ревизии присутственных мест города Ядрин, отмечая в целом удовлетворительное состояние делопроизводства у пристава 1-го стана, сделал весьма красноречивую оговорку: «Но нельзя не заметить, что пристав не имеет в этой важной части никакого понятия, так как на замечания о некоторых упущениях и пропусках в отметках в алфавитах, он не мог дать никакого объяснения, а отвечал за него его письмоводитель, который, как из всего видно, есть настоящий так сказать становой пристав, а г. Савин только носил мундир станового пристава» [18, Оп. 1. Д. 246. Л. 35]. После окончания ревизии последовала отставка нерадивого чиновника, правда, по его личному прошению.

Весьма непросто ситуация с «кадрами» складывалась в органах общественного управления. Прежде всего, необходимо отметить, что служба на городских

выборных должностях была, во-первых, непрестижна, и, во-вторых, еще и крайне обременительна. Поэтому горожане под различными предлогами стремились ее избежать. Но самое главное заключалось в том, что купцы, избранные в думу, не только не были подготовлены к такой деятельности, но часто не обладали даже элементарной грамотностью. Проведенное Л.М. Гавриловой изучение формулярных списков членов Чебоксарской городской думы показало, «что городской голова и гласные думы не имели какого-либо образования (в лучшем случае, можно предположить наличие у них домашнего образования)», а, например, при баллотировании от Чебоксарского городского общества старосты и словесных судей в 1821 г. в «городовом магистрате» некоторые купцы не смогли поставить подписи «за неумением грамоте» [19, с. 31–32].

Низкий образовательный уровень избираемых горожан, отсутствие у них навыков делопроизводственной и архивной работы самым непосредственным образом сказывались на деятельности органов общественного управления, которые были вынуждены привлекать к этой деятельности профессиональных чиновников. Но и здесь не всегда все складывалось гладко. Так, 30 июня 1799 г. Чебоксарский городской магистрат уведомил местную шестигласную думу о том, «что исправляющей во оном должность протоколиста писец Алексей Великанов, удаляясь от препорученной ему должности и бывая в чрезмерном пьянстве, совсем оную не исправляет, отчего и в делах происходит беспорядок». Вместо него на это место был определен писец Павел Смирнов, которому было назначено жалованья 120 рублей в год [20, Оп. 1. Д. 94. Л. 127].

Местная администрация чаще всего была вынуждена мириться с непрофессионализмом своих подчиненных. Например, рисуя состояние делопроизводства в Казанской духовной консистории, местное епархиальное начальство признавало: «Скудость содержания консисторских чиновников сравнительно с их собратиями, служащими в других губернских учреждениях, служит главной причиной того, что в консисторию идут в большинстве случаев или люди малоспособные и малоопытные в канцелярском деле, с которыми приходится тратить

слишком много труда и времени на то, чтобы приучить их к канцелярскому порядку, или же люди хотя и способные, но не удержавшиеся на службе в прочих учреждениях, или по причине большей склонности к излишнему употреблению спиртных напитков, или же сомнительной репутации относительно своей честности. Если же по счастливой случайности в консисторию и попадают люди способные, вполне опытные в канцелярском деле, честные-трезвые и трудолюбивые, то они, не находя в консисторской службе для себя ничего привлекательного ни в материальном отношении, ни служебном, остаются лишь до приискания себе более выгодного места в другом учреждении и при первом же предоставившемся удобном случае оставляют службу в консистории» [21, Оп. 1. Д. 124142. Л. 61].

Еще более низкий уровень доходов архивного чиновника, нередко с ненормированным рабочим днем и крайне плохими условиями труда, не способствовали престижности службы в архиве, что сильно ограничивало выбор лиц, желавших здесь работать. Как следствие, случайные люди без должной подготовки и специальных знаний – явление нередкое в архивах местных учреждений для того времени. Это становилось одной из причин ситуации, когда, по выражению Д.Я. Самоквасова, «требования закона о хранении государственных архивных материалов в целостности и порядке», «чтобы ни одно дело не могло утрачиться», оставались «мертвою буквою» [22, с. 3].

Причину такого положения дел следует искать в непрестижности службы в архивах местных учреждений, низком уровне жалованья, неблагоприятных условиях труда, делавших ее малопривлекательной для чиновников, которые имели виды на карьерный рост. Ни чинов, ни орденов работа в архиве принести не могла. Недаром И.И. Зубарев – один из продолжателей идей Н.В. Калачова и сотрудник Археологического института – с горечью констатировал: «Самая должность архивариуса считалась унижительной, так как в ней всякий чиновник видел конец служебной карьеры... К сожалению, этот твердо установившийся взгляд, перекатываясь от одного чиновничьего поколения к другому, дошел, наконец, и до нашего времени» [23, с. XXV] То есть практически до конца XIX века.

Отсутствие законодательно установленных критериев профессиональной подготовки и наличия опыта работы в архиве открывало дорогу для найма людей некомпетентных, а ограниченные возможности в подборе кадров из среды местных чиновников приводили к приему на архивную службу еще и случайных лиц. Мелочная экономия средств в ряде случаев побуждала местное начальство и во все отказываться от должности архивариуса, обязанности которого совмещались канцелярскими служителями, считавшими их второстепенной деятельностью со всеми вытекавшими последствиями.

Список литературы

1. Страховский И.М. Губернское устройство / И.М. Страховский // Журнал Министерства юстиции. – СПб., 1913. – №9 (Ноябрь). – С. 171.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2. Чебоксарская воеводская канцелярия.
3. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2019.
4. Димитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – XIX веков (по материалам генерального межевания) // Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986.
5. Гаврилова Л.М. Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVIII – первой половине XIX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Сб. статей / ЧНИИ. – Чебоксары, 1990.
6. Гаврилова Л.М. Чиновничество и духовенство Чувашии в XIX – начале XX в. // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в. – Чебоксары : НИИЯ-ЛИЭ, 1988.
7. Войтеховская М.П. Зарождение государственной системы образования в Российской империи / М.П. Войтеховская, Ю.В. Куперт // Вестник ТГПУ. – 2012. – №2 (117).

8. Гусаров Ю.В. Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX века / Ю.В. Гусаров // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4.
9. ПСЗРИ-I. – Т. V. №2762. – С. 78.
10. Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. / В.Д. Кочетков – Чебоксары: Грэй, 2015. – С. 19.
11. ПСЗРИ-I. – Т. XXVII. – №20597.
12. ПСЗРИ-I. – Т. XXX. – №23771.
13. ПСЗРИ-II. – Т. XX. – №7224.
14. Истрин В.М. Письма к академику П.С. Билярскому / В.М. Истрин. – Одесса, 1906.
15. Калачов Н. В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство / Н.В. Калачов – СПб., 1877.
16. ПСЗРИ-II. – Т. XXIV. №22982.
17. Гусаров Ю.В. Цивильский затворник. Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева / Ю.В. Гусаров – Чебоксары, 2000.
18. ГИА Чувашской Республики. Ф. 82. Чебоксарская городская управа Казанской губернии.
19. Гаврилова, Л. М. Административная роль города Чебоксар в XVIII – первой половине XIX в. / Л.М. Гаврилова // Исследования по истории дореволюционной Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. – Чебоксары, 1989.
20. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 81. Чебоксарская городская дума Казанской губернии.
21. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Казанская духовная консистория.
22. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России / Д.Я. Самоквасов. – Книга первая. Современное русское архивное нестроение. 1852–1902. – М., 1902.
23. Сборник статей по архивоведению, издаваемый под редакцией И.И. Зубарева. – Т. 1. Ч. 1. – СПб.: Кн. скл. «Наука и жизнь», 1910–1911.